

противоречия в ответах информанта и т.д. В ответ на такое позиционирование интервьюера информант может усилить собственную позицию, предложить ее обоснование и уточнение, реагируя на критическое отношение или обесценивающую иронию.

Сходное позиционирование осуществляется в телевизионных интервью, где предлагаются *некооперативные* формулировки, предполагающие ответное несогласие, способствуя тем самым развитию обсуждения и углублению понимания. Mazeland и ten Have отмечают однако, что такой тип формулировок не встречается в анализируемых ими интервью, объясняя это тем, что исследователю требуется постоянно мотивировать информанта к продолжению интервью, что проблематично при критическом отношении к словам последнего, к тому же, ситуация исследовательского интервью не требует от отвечающего сохранения лица, в отличие от телевизионных интервью [1]. Действительно, в наших данных были примеры, в которых информанты развивали свою позицию, но часто они отказывались от ее обоснования, демонстрировали неуверенность в ней, уходили от ответа.

Таким образом, каждая из описанных позиций обладает как своими преимуществами для развития обсуждения, так и собственными недостатками. Скорее всего, для достижения максимального качества интервью исследователь должен умело сочетать различные формы позиционирования, включая и редкую для интервью критически-ироническую форму позиционирования. В любом случае, детальный анализ интервью как процесса взаимодействия может оказаться продуктивным дополнением содержательного анализа, позволяющим определить качество достигнутого понимания и осуществить полноценную валидизацию исследования.

Литература

1. Mazeland H., ten Have P. Essential tensions in (semi-) open research interviews // The deliberate dialogue. Qualitative perspectives on the interview/ I. Maso & F. Wester (eds.) – Brussels: VUB Press, 1996. – P. 87–114.
2. Rapley T.J. The art (fulness) of open-ended interviewing: some considerations on analysing interviews // Qualitative Research. – 2001. – Vol. 1(3). – P. 303–323.
3. Sacks H., Schegloff E.A. and Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language, 1974, – Vol. 50, №4. – P. 696–735.

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИКЕ

Н. А. Бертош

Как можно заметить из названия проводимого исследования его целью является проблема взаимосвязи морали и права при выполнении ими

регулятивной функции относительно социальной материи посредством политико-властных механизмов. Данная проблематика актуальна всегда т.к. касается каждого человека, поскольку таковым является только социализированный субъект и поэтому неминуемо подверженный воздействию со стороны исследуемых здесь феноменов в силу их глубокой вплетенности в ткань социальной материи. Обладая в своем содержании значительными регулятивными механизмами, они становятся особенно проблематизированными, как технологии контроля культуры над свободной личностью в условиях ее задавленности системой при тотальной слежке констатируемыми как представителями общественности, СМИ, так и исследовательского сообщества. Можно так же акцентировать внимание, что И. Кант предавал подобной проблематике важное значение.

При изучении различных интерпретаций взаимосвязи политики, права и морали можно получить три их ракурса:

а. Исторический: представлен следующим образом: мораль, претендующая на первенство в возникновении не в состоянии справиться с все новыми явлениями, дестабилизирующими человеческое сообщество после разложения родового строя и возникновения неравенства, механизмами регуляции, имеющимися в ней. Тогда возникает политика, как феномен способный компенсировать своими средствами регулятивную недостаточность морали. В ее рамках создается непосредственный орган (организация-инструмент) на который легитимно возложена регулятивная функция – право;

б. Диалектический: где условно мораль – тезис: феномен идеальной природы «мира идей», соответственно находящийся в отношении противоречия реальности – политики – антитезис, право же – это стремление к объективации морального должностования (мира идей и свободы) в политике (мире природы и необходимости) – синтез;

в. Современных реалий: где необходимость гуманизма и правового государства в политической сфере на нынешнем этапе – естественно закономерное явление, обусловленное разумным эгоизмом как формой утилитаризма.

Подобное положение в современности можно отслеживать с середины 20-го века, что констатировалось в «манифесте Рассела Эйнштейна». Происходит артикуляция внимания на факте, что человечества в ситуации современного состояния науки и техники обладает уже возможностями полного самоуничтожения и в подобном положении гуманизм и предстает в виде своего рода утилитарного разумного эгоизма. В таком положении развития техники, когда результатом ее применения может стать не победа одной из сторон в конкурентной борьбе направленной на

достижение некоторой цели несущей благо только ей за счет ущемления интересов других социальных субъектов, а всеобщее поражение целерациональным может стать только действие, которое несет благо всем – «Гуманистическое». Вообще любое действие в такой диспозиции несет всем либо положительный результат, либо отрицательный. Не может быть проигравшей и выигравшей стороны в социальном процессе. Либо все победившие, либо проигравшие, которых может даже попросту не быть. В таком действии одновекторность интересов и консолидированность поведения различных субъектов обеспечивается не столько доброй волей последних, сколько собственной пользой от этого, объективированной в утилитарном разумном эгоизме.

Т.е. «Гуманистическое действие» предстает как цель общезначимой стратегии функционирования на нынешнем этапе существования человечества, формализуемая культурами вестернизированного типа в идеях правового государства, демократии и гражданского общества.

Поэтому далее для более детального рассмотрения проблематики находящейся в фокусе предпринимаемого исследования были изучены варианты взаимодействия цели и средств в политике. Из самой постановки вопроса следует три ее диспозиции:

Цель оправдывает средства или политика вне морали – тоталитарная. Теоретиком и родоначальником этого подхода принято считать Н. Макиавелли, а практиком В.И. Ленина и др.

Средства значимее цели или мораль превыше политики - морализаторская. Теоретиками можно назвать, например, Л.Н. Толстого, Швейцара, а практиками М. Ганди, М.Л. Кинга.

Цель и средства комплементарны и возможна ли нравственная политика!? Первые два подхода противоречат друг другу, как видно из постановки вопроса. В третьем же делается попытка снять их диалектическое противоречие при помощи подхода М. Вебера, утверждающего невозможность адекватной оценки какой-либо сферы без учета ее специфики, по меркам единого морального кодекса, и говорящего о необходимости, если так можно выразиться, отраслевых ценностно-оценочных шкал посредством «этики убеждений» и «этики ответственности.» В такой ситуации могут положительно, без противоречий, реализовываться оба предыдущих крайних подхода: цель оправдывает средства и в то же время она эгоистически-разумно моральна, а так же гуманистична, и по этой причине использует средства с идентичными характеристиками. И в данной сфере неадекватен христианский этический подход членения на добро и зло, а более соответствует античный выбор золотой середины.

При непосредственном рассмотрении нормативной подсистемы, включающей в себя: 1. Политико-правовые; 2. Политико-нравственные; 3.

Внутриполитические нормы, проанализировав выделенные виды норм сообразно предыдущим результатам можно попытаться вывести более менее непротиворечивую норму для мотивации целерационального «гуманистического действия», в условиях ранее отмеченной глобальной взаимозависимости благополучия всех субъектов политического процесса друг от друга: мораль предписывает выбор «достойных средств» для достижения «достойной цели».

Где таковой целью при подобном положении вещей, является несущая положительные эффекты всем членам сообщества;

а «достойные средства» – те, которые при соизмеримости с целью если и имеют отрицательные моменты для кого-либо (при подобном положении для всех), то они меньше чем положительные от достигнутой цели.

На современной стадии такая норма может претендовать на статус как императивно-идеалистического требования, так и целерационального руководства к действию.

Так же стало возможным выделение двух аксиом для реализации этого правила в практике:

Одна из них предписывает учитывать при составлении алгоритма стратегии действия направленного на достижение какой-либо цели механизма его прекращения на любом этапе выполнения с заранее запланированным результатом, если по каким-либо причинам это потребуется;

Другая исходит из математического правила игр Максимена, рекомендующего в любых условиях выбирать такое действие худшие последствия, от которого будут меньшими, чем таковые от любого другого.

РОЛЬ ПОНЯТИЯ ИГРЫ В ЭСТЕТИКЕ

Д. Н. Гиргель

Раньше всего сходство между игрой и искусством было обнаружено в Античности. Определенный итог прозрениям и высказываниям европейских мыслителей относительно сущности и функций игры подвел Х.-Г. Гадамер в своем герменевтическом труде «Истина и метод».

Высшей ступенью человеческой игры (в терминологии Х.-Г. Гадамера – (преобразованием в структуру) является искусство: «Сущее теперь, представляющее в игре искусство, и есть непреходяще подлинное» [2, с. 147].

Искусство обладает глубинным онтологическим статусом. Явление произведения искусства – это снятие обыденной, «непреображенной действительности» «в ее истине», «преобразование в истинное», «освобождение, возвращение в истинное бытие» [2, с. 159].